

Илья Муромец и Сокольник (5)

Ай недалёко было от города от Киева,
Не далёко, не близко — да за двенадцать вёрст
Де стояла застава да богатырская,
Не велика, не мала — тридцать да собогатырей,
Они хранили-каравулили стольнёй Киев-град.
Де задягала дорожка да ровно тридцет лет,
Тут не конной, не пешой а не прохаживал,
Не рыскуцёй зверь да не прорыскивал,
Ни ясён сокóл да не пролётывал.
Ай-де был атаманом Илья Муромец.
По(й)утру ставал старóй ранёшёнко,
Омываетце старóй да ключевой водой,
Он-де Богу молитце, старой, да не помножоцьку,
Одевал Козловы сапожки да на белы чулки,
Он Богу молитце дак не по множецьку,
Одевал ведь куню шубу да на одно плецё,
А пухов-от колпак дак на одно ухó,
А-де брал он трубоцьку подзорную,
А выходил он сам дак на крылецюшко.
А зрил-смотрел в ту сторонушку во северну —
Ой-де на севери стоит дак ледяны горы;
А ище зрит-смотрит в ту сторонушку в востоцьную —
Ой-де на востоке стоят дак леса тёмные,
А-де леса темная, горы высокие;
А ище зрит-смотрит в ту сторонушку во южную —
А-де на юге стоят луга широкие,
А-де луга широки, травы там зелёные;
А ище зрит-смотрит в ту сторонушку во западну —
А-де на запади стоит да полё чистое,
Полё чистое, да всё Куликово.
А-де не славной Буян-остров там шатайтце,
А не Саратовы горы да взременяютце,
А, верно, едёт богатырь да забавляйтце:
А стрелоцькой он кверху да сам постреливат,
На лету стрелу подхватыват, на пол не (й)ураниват

На левом колени его чернилица,
А на правом колени его бумажоцька:
А-де пишот он арлык, дак скору грамотку,
Он подметывает ей да ко белу шатру.
А-де выбегал старой да поскорешенько,
Он брал записоцьку легошонько,
А давал читать Добрынюшке Никитицу.
А-де читал Добрыня, да усмехаитце:
«А там едет молодець, похваляитце:
„Уж я еду к вам да в стольней Киев-град,
А шуметь-грометь да в стольнем Киеви.
Я божий церкви да и на дым спущу,
А древяны иконы — да на поплав воды,
А медны иконы да я во грезь стопцу,
А Владимира-князя да я под мець склоню,
Апраксину я княгину да на себя возьму.
Крупну силу да я сповыбью сам,
А мелку силу да я сповыгоню,
А Добрынюшку Никитица я — во писари“».
Де закричал старой да громким голосом:
«А не время спать, дак вам пора ставать,
А не от великого хмелю да просыпатися,
А не от крепкого сна, робята, да розбужатися,
А кого же мы пошлем дак за богатырем,
А кого же мы пошлем дак за могуциим?
А послать-то не послать мне Дюка сына Степановиця?
А не Дюк Степановиць — роду неповоротливого,
Не за что он потеряет дак буйну голову.
А послать-то не послать нам братьей да полоненных?
А братья полоненные социяют все изменушку.
А послать-то не послать Самсона сына да Колыбановиця?
А Самсон сын Колыбанов — роду да он сонливого,
Не за что он потеряет дак буйну голову.
А послать-то не послать дак Мишку ле Торупанишка?
А Мишка Торупанишко — роду ле торопливого,
Не за что он потеряет дак буйну голову.
А послать-то не послать Олешеньку Поповиця?
А Олешенька Поповиць — роду да заговорливаго,
А не сумеет он с богатырем ведь съехатце,

Не сумеёт он бога́тырю ведь честь воздать,
А незави́д он потеря́т дак буйну́ голову.
А послать-то не послать Добрынюшку Никити́ца?
А Добрынюшка Никити́ца да роду вежливаго,
А сумеёт он с бога́тырём ведь съехатце,
А сумеёт он с бога́тырём розъехатце,
А сумеёт он бога́тырю ведь честь воздать».

А не видели, как Добрыня да на коня скоцил,
А не видели, как Добрыня да в стремяна ступил,
Токо видели: цистом поли́ копать стоит.
Где догна́л-се Добрынюшка Сокольника,
Он кричал, Добрыня, да во первой након:
«Если русский бога́тырь, да поворот даю,
А не русский бога́тырь, да я напу́с держу!»
А на ето детина да не(й) ослушалсэ.
А-де кричал Добрыня да во второй након:
«Если русский бога́тырь, дак поворот даю,
А не русский бога́тырь, да я напу́с держу!»
А на ето детина да не(й) ослушалсэ.
А-де кричал Добрыня да во третьей након:
«Если русский бога́тырь, да поворот даю,
А не русский бога́тырь, да я напус держу!»
И на ето детина да не(й) ослушалсэ.
А-де стал Добрынюшка ле ругатися:
«А едешь, гадина ты перегадина,
Не приворачивашь к нам на за́ставу каравульнюю,
Не считаешь ты нас, уда́лых добрых молодцев.
А ле́тишь, ворона да пустопёрая,
Ле́тишь, машешься, сорока да загумённая.
А была у нас убайна коровина бозы́кова,
По загуменьям коровина волочиласе —
Олави́ной коровина подавиласе.
Верно те, собаке, да то же да надобно!»
А на ето детина да поворот даёт,
Ой-де брал он Добрыню да за жёлты́ кудри́,
Он бросил е́го да на сыру́ землю́,
Он дал тут ему ведь сам по тяпышу,
А прибавил ещё да по олабышу:
«А поезжай-ко ты назад, Добрыня, да во бело́й шатёр,

Расскажи-ка старику да ты низкóй поклон,
Ан что он вами, говна́ми, да заменяйтце,
Ему самому в поли да тут не справитце».
А-де едёт Добрыня да не по-старому,
Его конь бежит да не по-прежнему,
А повеся дёржит Добрыня да буйну голову,
Потопя его да оци да ясные.
А-де стал старóй Добрынюшку выпрашивать,
А-де стал старóй Добрынюшку выведывать.
«Видел в поли да я богáтыря,
Шлёт он тебе да сам низкóй поклон,
Что говорит — что́ он вами, говна́ми, да заменяйтце,
Ему самому со мною да там не справитце».
А завидело око да молодецкоё,
А слышило ухо да богáтырскоё,
А расходились его плеча́ могучия,
А рассердилось его да ретиво́ сердцо́.
«Уж уздайте-седлайте да мне добра́ коня!
А берите вы его да вы со трёх цепей,
А кладите восемь ле подпружецёк,
А девяту кладите чересхребётную,
А на шею кольчужоцьку серебряну,
А не ради красы дак молодецкоюй —
Ради крепости дак богáтырскоюй,
А щобы не оставил добрый конь дак во чистóм поли́.
А не успеете вы шей котла сварить —
Да привезу погану да буйну голову
На погáленьё вам, дак на покóрканыё».
А не видели, как старóй дак на коня скоцил,
А не видели, как старóй дак в стремена ступил,
А не видели поездки дак молодецкоюй,
А не видели побежки да лошадиноюй,
Токо видели: в чистóм поли копáть стоит,
Из-под копыт коня да искры сыплютце,
Изо рта коня да пламё да мечитце,
А не золотиста грива да росстилайтце,
Хвост трубой коня дак завиваитсе.
А-де наговаривал Сокольник да он своим слугáм,
Он своим слугáм, да свóим да верным:

«О<й> вибирайте вы себе хозяина поласковой,
А поласковой хозяина, повежливей, —
Со старым-то съехатце, дак мне не брататце,
Со старым-то съехатце, дак не с родным отцом,
Со старым-то съехатце, дак дело да под молитвою,
Дело под молитвою, да чья божья помочь».
Тут не две горы ведь там столкнулисе,
А два богатыря ведь в поле съехали.
Они бились-дрались дак целы да сутоцьки,
А копья их дак повихалисе,
Сабли их да пощербалисе.
Они бросили етот бой дак на сыру землю,
Ухватились они да-де тут в охабоцку.
У старого похвальнѣ да слово сретило —
А-де лева нога его да подломиласе,
А права нога да прокользнуласе,
А-де упал старой да на сыру землю.
Ай заскочил Сокольник на белы груди,
А разорвал его латы булатные,
Вытащил кинжалищо булатное,
Он хотел ему ведь резать груди белые,
Осмотреть его-де ретиво сердце.
Где взмолился старой дак Богородице:
«Я за вас стою, да я за вас борюсь,
А я стою, борюсь за верушку Христовую,
А выдали вы мя поганым да на поруганье,
А выдали мя поганым да на погаленье!»
Тут не ветёр полосоцькой возмахиват —
У старого вдвое-втрое силы да тут поприбыло.
Ухватил он Сокольника за подпazuхи,
Он бросил его да на сыру землю,
А заскочил ему на груди белые.
А разорвал его латы железныя,
Он вытащил ножичек булатной,
Он хотел ему резать груди белыя,
А смотреть его да ретиво сердце —
А в плечи рука его да остояласе.
А-де стал старой спрашивать Сокольника:
«А кой земли, да коя роду-племени?»

А как тебя зовут ведь тут по имени?» —
«Я когда сидел у тя на грудях, да я не спрашивал,
А режь меня и ты, не спрашивай».
Да замахнулсэ старóй да во второй након —
А в локтю рука еґо да остояласе.
А-де стал старóй спрашивать Сокольника:
«А как тебя зовут, да чьёго роду-племени?» —
«А коґда я у тя сидел на грудях, тебя не спрашивал,
А режь меня да ты, не спрашивай».
А-де замахнулсэ старóй да во третьёй након —
В заведи еґо рука дак остояласе.
Он-де стал старóй ведь спрашивать Сокольника:
«Коёго роду, да коя племени?
Как зовут тебя по имени?» —
«А есть за морём поленица да одноокая,
Она будёт мне мать, да я её ведь сын».
Де взял старóй Сокольника за подпазухи,
И поставил его да на резвы ногі.
«Поезжай-ко к матери да во черной шатёр,
А скажи-ко ей ты да сам низкóй поклон,
А пусть приезжает к нам на заставу каравульнюю.
А не будёт те в поли да поединщика».
А говорил Сокольник да своей матери:
«Видел в поле я коровушку бозыкову,
Она блядью тебя ругат, дак меня выbledком».
А тоґда говорит матери ведь сама Сокольнику:
«А старóй-то не пустым ведь хвалитце,
А старóй тебе да он ведь рóдный отец».
Тогда рассердилсе Сокольник да сам ведь в ярости,
И срубил ведь голову родной матери.
И поехал тоґда дак во белой шатёр.
А забежал Сокольник да он к Илье Муромцу
И ударил старóго да во белую грудь.
А-де у старóго на груди да медный чудный крест,
Из-под креста старóго да кровь ведь брызнула.
Тогда скочил старóй дак на резвы ногі,
Ухватил Сокольника за жолты кудри
И бросил еґо да о кирпичет пол.
Тут Сокольнику ведь смерть случиласе.

(Зап. Балашовым Д. М.: дек. 1964 г., д. Боровская Пижемского с/с Усть-Цилемского р-на Коми АССР — от Чупрова Леонтия Тимофеевича, 61 г., и его жены Чупровой Анны Лукичны, 52 г.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.